Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

ПРИГЛАШАЮ В КЛУБ «ЧА-ЧА»

КРОКОДИЛ

№ 36 • ДЕКАБРЬ 1973

ПРИГЛАШЕНИЕ

Подобные сердечные приглашения (ненужные варианты в скобках зачеркнуть) накануне Нового года наверняка получили миллионы людей в разных уголках нашей страны: в городах, селах и поселках городского типа.

Это приятно. Приятно встретить Новый год с добрыми друзьями в своем уютном родном клубе. Тем более что клубы нынче есть, пожалуй, у людей любых профессий. Но клубы создаются не только по профессиям.

К примеру, для любителей экзотических странствий существует телевизионный «Клуб кинопутешественников».

Люди, жаждущие общения, встречаются в «Клубе интересных встреч».

Любители спорта в зависимости от местожительства объединяются под знаменами спортклубов «Йыуд», «Пахтакор» и т. д.

Есть множество обыкновенных типовых клубов, существующих многие годы только в пылком воображении товарищей, ответственных за их строительство.

Есть, наконец, удивительные «овощные клубы», где сцена, зал и даже будка киномеханика используются как хранилище картофеля, лука-порея и кормовой репы.

Имеется свой клуб и у Крокодила. Только нашему клубу чужда узкая специализация «по интересам», столь популярная в мировом клубном деле.

Мы прекрасно осведомлены, что, например, в Испании есть Клуб низкорослых людей. Основная его задача — обеспечивать своих членов театральными билетами в первый ряд партера. Задача по-своему благородная, но, установив для гостей нашего клуба такое ограничение в росте, мы несправедливо оставили бы за дверями не только баскетбольных гигантов, но и так называемого «среднего человека», который, как говорит статистика, выражает все наши потребности и все наши возможности.

Или возьмите американский Клуб двойников, располагавший до недавнего времени одиннадцатью «Эйзенхауэрами» и семью «Черчиллями». Неужто по их примеру мы закроем на запор двери нашего клуба перед оригинальной, самобытной личностью только из-за того, что личность эта не пожелала стать копией, скажем, конферансье Бориса Брунова?

Не хотим мы следовать и уставу Клуба лысых, существующего в ФРГ. Среди членов нашего клуба мы недосчитались бы огромной массы симпатичных людей, у которых наличие шевелюры не их вина, а результат слепой игры природы.

Явно не по дороге нам и с членами английского Клуба мужей, угнетаемых своими женами. Хотя бы уже потому, что половина из них не является на заседания, а присылает жалобные телеграммы: «Приехать не смог. Не пустила жена». Ну, а если человек счастлив в браке, его, стало быть, тоже за клубный порог?

Можно было бы продолжать примеры, но и так уже ясно, что любые подражания нам ни к чему. Короче:

Дорогой друг-читатель! Приглашаем вас в крокодильский Клуб «ЧА-ЧА», под новогоднее бдение которого сегодня отведена вся полезная площадь этого номера!

Если вы никогда не бывали в Клубе «ЧА-ЧА», то усвойте, пожалуйста, что название клуба не имеет ничего общего ни с крепким кавказским напитком, ни с темпераментным латиноамериканским танцем сходного названия.

Наш «ЧА-ЧА» — это ЧАшка ЧАя, на которую собираются сотрудники журнала, художники, писатели, поэты, возвратясь из близких и дальних странствий. Сегодня за этой чашкой чая мы приглашаем посидеть и вас. Сегодня — это ваш клуб! Входите все, кто хочет встретить Новый год в своем клубе, кто желает, чтобы с ним поделились чем-то забавным и поучительным!

Возможно, кому-то покажется, что за клубным новогодним столом не хватает ласково препарированной селедочки, душевно натертой редечки и заботливо остуженной, прозрачной, как слеза... Нет, нет, членам нашего клуба в праздничный час не режет слух перезвон бокалов. Но, во-первых, в отличие от индивидуальных пристрастий к соку манго, «жигулевскому» или «экстре» чай, как известно, с охотой пьют все. Он хорош для ребенка и министра, для водолаза и оперного тенора, для манекенщицы и бойца ВОХРа. А, во-вторых, что самое главное, чай необыкновенно располагает к приятному разговору, к душевной беседе!

Присаживайтесь к нашему новогоднему самовару, уважаемый читатель. Побеседуем. Чай да сахар!..

ЗАМЕЧЕНО, ЧТО...

далеко не все люди владеют искусством говорить за праздничным столом длинные цветистые тосты, напоминающие восточные притчи. Что делать!.. Не обучают этому искусству ни в высших учебных заведениях, ни на специальных курсах по повышению квалификации. И поэтому большинство людей ограничивается коротким, но емким: «Будем здоровы!» или «Ну, поехали!». Надо полагать, этот деловой стиль практикуется в праздничном застолье не оттого, что людям нечего сказать, и не из боязни, что игристая влага в бокале прокиснет и потеряет свой неповторимый букет. Просто человеку не терпится пустить содержимое упомянутого фужера по прямому назначению. А уж потом, дескать, можно поговорить.

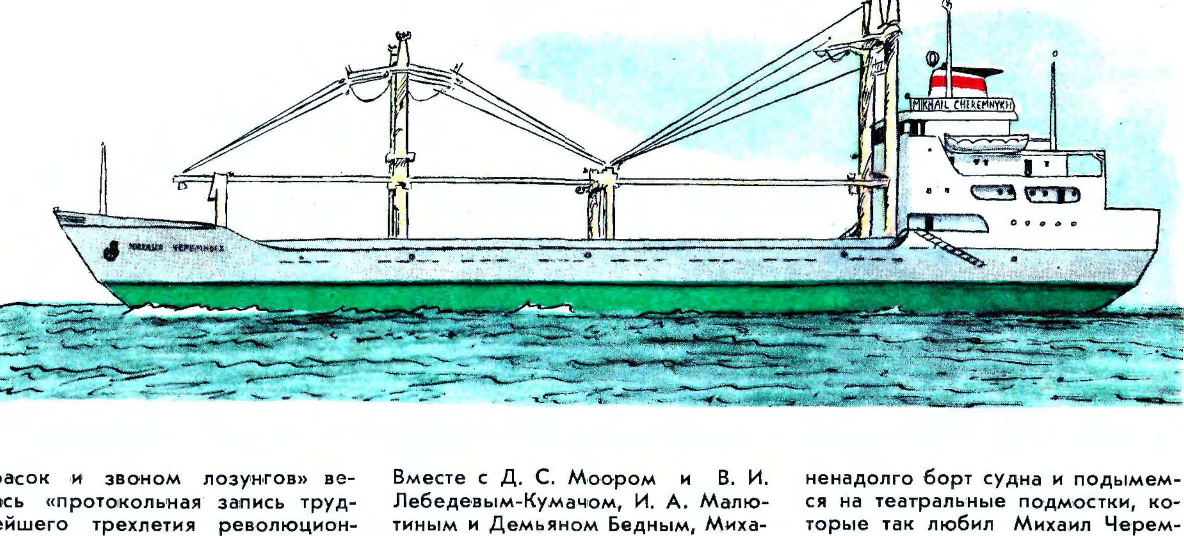
С чаем дело иное. Залпом опрокинув в себя чашку, вы не уловите волшебного вкуса заварки, вызовете недоуменные взгляды соседей да и просто обожжетесь, наконец. Поэтому с чашкой чая в руках беседуешь чинно и обстоятельно. И то, о чем вы решили поведать окружающим, привлекает внимание само по себе, а не как предлог для очередного чоканья.

Следуя этим четким и разумным принципам Клуба «ЧА-ЧА»,

Руслан КИРЕЕВ

рассказывает сегодня

О ТОВАРИЩЕ ЧЕРЕМНЫХЕ, ТЕПЛОХОДЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

Я никогда не видел живого Михаила Черемныха. Человека. И теплохода тоже. Черемных-человек родился слишком давно — за десять лет до начала нынешнего века. Черемных-теплоход родился совсем недавно — в августе семьдесят третьего. Черемных-человек родился в Сибири. Черемных-теплоход — в Финляндии. Мое знакомство с Михаилом Черемныхом, человеком и теплоходом, состоялось в Архангельске.

Вы скажете, это исключено. Нельзя, скажете, одновременно познакомиться с человеком Черемныхом и Черемныхом-теплоходом, поскольку последний появился на свет через десяток с лишним лет после смерти первого. А я говорю, можно. Нина Александровна Черемных, жена, друг и многолетний помощник художника, подтвердит вам это.

— Думала ли я, что опять встречусь с Михал Михалычем!

Это слова Нины Александровны. Она произнесла их, когда мы садились в поезд «Северная Двина», который увозил нас из Архангельска в Москву.

Неприветливым и суровым кажется север с первого взгляда. Но спросите о севере первого помощника капитана «Черемныха» Виктора Александровича Петрова, и он скажет, что это душа-край. Спросите моториста Алексея Анфимова, и он подтвердит вам, что добрее и прекраснее нет земли, а он, слава богу, пошастал по свету. Таков край, где прописан ныне теплоход «Михаил Черемных». Таков был и человек, в честь которого теплоход назван.

Вот дружеский шарж на Черемныха Кукрыниксов — всмотритесь в него, читатель. Когда по коридору Суриковского института шествовал профессор Черемных, студенты, мало знающие его, в страхе впечатывались в стенку. Неприветливым и суровым казался он с первого взгляда. Но спросите о Михаиле Михайловиче его ученика Олега Савостюка, который ныне сам преподает в Суриковском, и он расскажет вам, что это был за человек. Спросите других учеников, спросите учеников учеников... Не будем многословно приводить их рассказы, сконцентрируем и обобщим их, как умел концентрировать и обобщать в своих работах художник Черемных. Остальное, полагал он, дорисует в воображении зритель. Так вот вам, читатель, один-единственный штрих, а остальное вы домыслите сами. Прошло немало лет после смерти метра, но ежегодно тридцать первого октября, в день рождения художника, собираются его ученики и ученики его учеников, чтобы отметить этот день. Ежегодно! Теперь вы понимаете, каким человеком был Михаил Михайлович?

73-й год исключением не был. Напротив, в 73-м день рождения мастера отмечался дважды. Традиционно — в Москве, с «прямыми» учениками и учениками учеников, а тремя днями раньше — в Архангельске, с командой теплохода.

Торжество, надо сказать, было бурным, но это не противоречило темпераменту именинника. Поэт Маршак в свое время высказался по этому поводу следующим образом:

Михал Михалыч Черемных —
Большой любитель благ земных.

Торжество, повторяю, было бурным, но работа на судне не стопорилась ни на секунду: грузился пиломатериал для отправки в Лондон. Ни на минуту, подчеркиваю я, ибо Михаил Черемных — прежде всего труженик. Я говорю сейчас и о теплоходе и о человеке.

Поэт Маяковский в свое время высказался по этому поводу следующим образом: «Михаил Черемных — один из лучших работников этого дела». «Это дело» — окна РОСТА. Начинал их Михаил Черемных. Увидев его первый плакат на углу Петровки и Кузнецкого моста, Маяковский немедленно включил себя в «это дело». «Вкалывали» сообща в огромной мастерской. Мороз, от которого коченели руки, периодически сменялся дымом буржуйки, от которой сентиментально слезились глаза. Быстрота, вспоминал Маяковский, требовалась машинная. С фронта поступало известие, а уже через сорок пять минут о нем сообщал гражданам столицы красочный плакат.

Диапазон плакатов был необъятен. Агитация за Коминтерн и за сбор грибов для голодающих, борьба с Врангелем и борьба с тифозной вошью. Это, да простит меня читатель, опять цитата. И опять из Маяковского. «Пятнами красок и звоном лозунгов» велась «протокольная запись труднейшего трехлетия революционной борьбы».

А потом начался «Крокодил». Он начался летом 22-го года в прокуренном кабинете «дяди Кости» — одного из первых организаторов «Правды», Константина Степановича Еремеева. ЦК партии поручил Еремееву создать новую массовую рабочую газету, при которой должно было выходить иллюстрированное приложение — прообраз журнала, который вы сейчас держите в руках, читатель. И вы уже, конечно, догадались, что в числе прочих на этом заседании присутствовал Черемных. Вместе с Д. С. Моором и В. И. Лебедевым-Кумачом, И. А. Малютиным и Демьяном Бедным, Михаил Михайлович вынянчивал младенца, у которого — медицинский феномен! — в первые же дни жизни прорезались довольно острые зубы.

Теплоход «Черемных» тоже младенец шустрый. Не просуществовав на свете и двух месяцев, успел побывать в финском порту Рауме и голландском Роттердаме, в бельгийском Антверпене и нашем Калининграде. Как вы понимаете, это были не прогулочные вояжи. Четыре тысячи тонн груза способен поднять зараз «Михаил Черемных». И поднимает. Трубы, пиломатериал, костра, различные машины...

Грузоподъемность Черемныха-художника теплоходу не уступает. Тысячи рисунков, плакатов, карикатур, окна РОСТА и ТАСС, театральные постановки... Нину Александровну провели по всему теплоходу, наглядно продемонстрировав, как работает судно, названное именем ее мужа. Нина Александровна в долгу не осталась: наглядно продемонстрировала, как работал ее муж: преподнесла в дар экипажу кисти художника. Сточенные, сбитые, поредевшие, они хранят следы работы, неистовой и беспощадной. И еще круглосуточной, свидетельство чему старинная настольная лампа художника, которая отныне тоже заняла свое место на теплоходе в уголке Черемныха.

Но не только музей и название судна напоминают о Черемныхе-человеке. Нина Александровна видела такие напоминания всюду: и в каюте старпома Шутова, где его шестилетний сын Леня рисовал пейзажи, и в машинном отделении, где судовой токарь Хомяков демонстрировал в работе с металлом виртуозность художника, и у капитана Орво Урховича Руханена, который приветствовал гостей музыкой, а Михаил Михайлович был человек на редкость музыкальный. И, разумеется, в том, что средний возраст экипажа 35 лет — человек Черемных всю свою долгую жизнь принципиально оставался молодым.

Судовые хронометры тоже напоминали о художнике, но тут требуется пояснение. Покинем ненадолго борт судна и подымемся на театральные подмостки, которые так любил Михаил Черемных, на сцену, где разыгрываются знаменитые «Кремлевские куранты» Н. Погодина. Вы помните, читатель, безымянного часовщика из пьесы, который по указанию Ленина наладил игру курантов? Это не фантазия драматурга, а факт исторически достоверный. Было указание, были и есть куранты, и, стало быть, был человек, который настраивал их. Вот его имя: Михаил Михайлович Черемных.

...А тем временем теплоход «Черемных» снялся и пошел: перешвартовка. Параллельным курсом двигался сухогруз «Вера Мухина» — из той же серии судов, названных именами художников. «Черемных» вежливо приветствовал «Мухину» гудком.

— Узнаю Михал Михалыча, — сказала Нина Александровна. — Всегда был галантен с дамами.

Утюжит водные просторы «Михаил Черемных» — первое судно, названное именем советского сатирика. Но не одиноко ли ему? Михаил Михайлович был компанейским человеком, и, думается, в своей второй жизни он был бы не прочь встретиться где-либо в проливе Скагеррак или на штормовой Ньюфаундлендской банке с транспортным рефрижератором «Илья Ильф», с танкером «Дмитрий Моор», с теплоходом «Иван Малютин», с траулером «Михаил Зощенко». Лиха беда начало!

«Я никогда не видел Михаила Черемныха» — с этих слов я начал свой репортаж. Теперь я публично отрекаюсь от них. Я видел Михаила Черемныха, поскольку Михаил Черемных по-прежнему в строю — и человек и теплоход. Где-нибудь в океане он встретится, быть может, с «Владимиром Маяковским», приятели поприветствуют друг друга гудками, и мы, думаю, не слишком ошибемся, если предположим, что густой, рокочущий бас поэта будет означать:

— Здравствуй, Черемных!
Я рад, что ты живой
дымной жизнью труб,
канатов
и крюков.

Москва—Архангельск—Москва.

Средь шумного бала, случайно...

Рисунок Г. ВАЛЬКА

Новогодний маскарад — давняя и добрая традиция. Клуб «ЧА-ЧА» с удовольствием следует ей, надеясь, однако, что под какими бы масками ни скрывались герои маскарада, читатель будет вправе, увидев их, сказать:

МАСКА, Я ТЕБЯ ЗНАЮ!

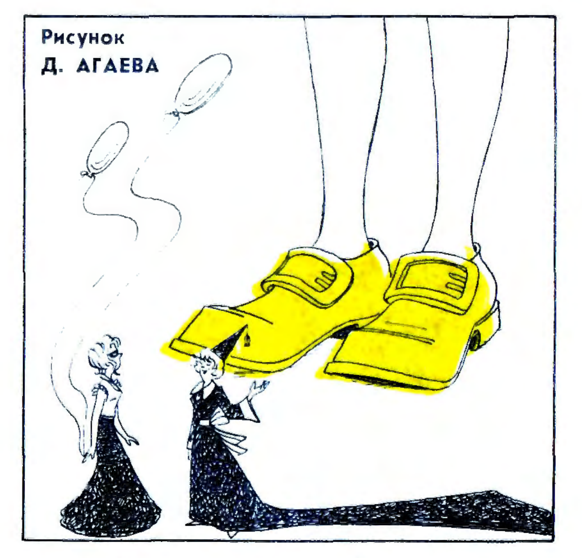

Рисунок Д. АГАЕВА

— А мой решил вырядиться Гулливером!

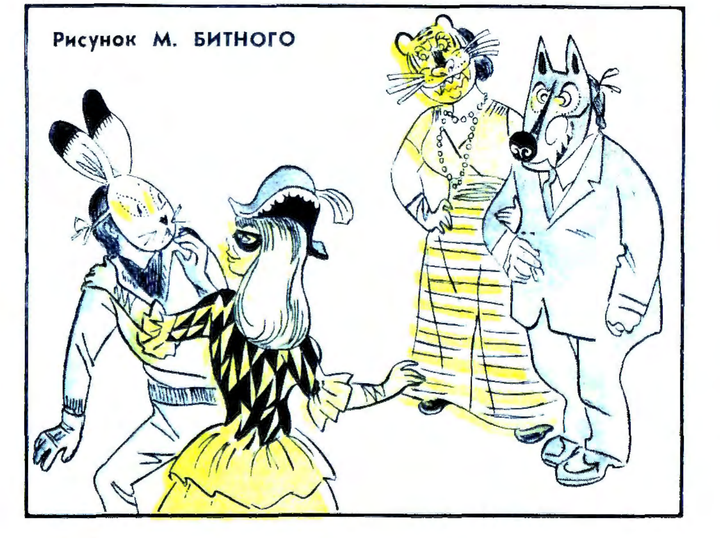

Рисунок М. БИТНОГО

— Познакомься, дорогой, с моими родителями...

Рисунок М. УШАЦА

Маска «Всадник без головы».

НА МАСКАРАДЕ ОБУВЩИКОВ

— А я вас сразу узнал, товарищ директор!

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

ЗАМЕЧЕНО, ЧТО...

в момент новогодних торжеств люди редко вспоминают свои профессиональные обязанности. Дантисты не держат за пазухой бормашину, прикидывая, кому бы из присутствующих сейчас обработать дупло. Счетоводы усаживаются за накрытый стол без синих нарукавников и арифмометров. И учителя не терзают соседей вопросами о точной дате битвы при Грюнвальде. Дантисты поют хором, счетоводы вальсируют, учителя шутят и смеются... Словом, все отдыхают.

А вот на новогоднем чаепитии члены Клуба «ЧА-ЧА» не могут позабыть о своих профессиональных обязанностях. И все потому, что слово — это их, так сказать, рабочий материал. Слово требует постоянной, никогда не прекращающейся работы. Другое дело, что работа эта специфическая, и ее невозможно делать без улыбки, без шутки, без озорного глаза и веселой души.

Это отлично известно нашему очередному собеседнику — писателю

С. ШАТРОВУ,

который сегодня приготовил для гостей нашего клуба рассказ с интригующим названием

ЧИВА-ЧИВА-САН

Я расскажу вам историю, которую поведал новеллист Ефим Хват.

— Знаете ли вы товарища Холодца?—спросил он. — Колоритнейшая личность. Таких хитроумных прорабов я не встречал. Он мог бы стать выдающимся строителем, если бы не один недостаток: он был удивительно нетерпелив. Строение еще только выводится под крышу, а Холодец уже грызет удила и рвет постромки. Ему не терпится перейти в галоп. Строительный галоп означал, что объект будет сдан с недоделками. Так произошло и с домом-башней. Товарищ Холодец доложил начальству:

— Башню можно сдать в конце недели.

— А недоделки?— подозрительно осведомилось начальство.— Из-за вас опять с меня будут снимать стружку?!

— Стружку снимать не будут. Есть микронедоделки. Одна-две в поле зрения. Их никто не увидит невооруженным глазом.

— Новоселы увидят!

— Ошибаетесь,— возразил Холодец.— Кооперативный новосел — самое покладистое, самое незлобивое существо на свете. Он готов въехать в дом не только без лифта, но и без лестничных маршей.

— Предположим,— сказало начальство.— А комиссия?

— На этот раз с комиссией мне повезло. Подобрались компанейские ребята, любители коньячных звезд. А, как известно, коньяк снимает агрессивность...

— Но мы не знаем, что скажет председатель?

— Товарищ Сиволоб? Он тоже любитель а-ля фуршета!

— Ваш Сиволоб уже не председатель. Ему дали по шапке! Комиссию возглавит Сухоручко...

— Сухоручко так Сухоручко,— сказал Холодец.— Будем надеяться, что у него нет язвы желудка и цирроза печени и он также не откажется от рюмки...

— К вашему сведению, Сухоручко — дама. Она не пьет, не курит и в преферанс не играет. От одного запаха вина ей становится дурно. При виде бутылки она сатанеет. Человека, выпившего стопку, она считает личным врагом...

— Такая художественная характеристика не вдохновляет,— сказал Холодец.— Можно выразить соболезнование ее мужу...

— Пока что я выражаю соболезнование вам...

— Если изустный портрет этой дамы соответствует действительности,— сказал Холодец,— то придется крепко пораскинуть мозгами.

Холодец размышлял всего одни сутки. На следующий день он сказал начальству:

— Эдисон когда-то заметил, что большинство людей готово безмерно трудиться, лишь бы избавиться от необходимости немного подумать... Я подумал и нашел выход...

— Решили отменить коньячные посиделки и устранить недоделки?— срифмовало начальство.

— Посиделки состоятся.

— А как Сухоручко?

— Что сделает Сухоручко, если вся комиссия будет «за»?!

— Как же вам удастся во время а-ля фуршета изолировать Сухоручко?

— Секрет изобретателя!— рассмеялся прораб.

— Смотрите, Холодец, нарветесь на крупную неприятность. Учтите, в случае чего я умываю руки...

— Руки будут мыть другие,— загадочно ответил Холодец.

Итак, наступил день сдачи дома. Каждого члена комиссии встречал на лестничной площадке сантехник. После обычного приветствия он, подмигивая, спрашивал:

— Вы руки мыли? Нет? Прошу сюда. Там мыло и полотенце.

В комнате гостя встречал развеселый штукатур дядя Гоша. Он вместо мыла и полотенца подносил фужер коньяку. Гость выпивал огнедышащую жидкость и спешил к Холодцу.

Все шло по намеченному сценарию. Члены комиссии, уже посетившие дядю Гошу, с озорным любопытством поджидали своих коллег в кабинете Холодца. По внешнему виду вошедшего можно было без труда определить, прошел ли он гигиеническую процедуру. Если его глаза были подернуты глянцем, какой бывает на дорогих рекламных проспектах, если на его щеках играл крутой румянец, словно у сталевара, только что выбившего летку, вновь прибывшего встречали шутками и банной здравицей: «С легким паром!»

Веселое оживление царило до тех пор, пока не появилась товарищ Сухоручко. Ей, понятно, не предложили вымыть руки, и она так и не познакомилась с развеселым дядей Гошей. Она присела у края стола и, грызя принесенный с собой сухарик, углубилась в чтение документов.

Товарищ Холодец мысленно поздравил себя с успехом. Поджидая запоздавших членов комиссии, он развлекал присутствующих анекдотами. После особенно забористого анекдота гости захохотали в три горла. И тут случилось нечто непредвиденное. Из глубин их естества вырвалось невидимое алкогольное облачко. Подобно тому, как в селение, что раскинулось у подножия гор, ветер порой приносит с островерхих вершин неповторимые запахи альпийских трав, так и до Сухоручко долетел с другого конца комнаты едва уловимый алкогольный дух.

Она повела носом и спросила:

— Признайтесь, кто в рабочее время...

Все начали стыдливо прикрывать ладошками рты, неискренне возмущаться и давать фальшивые клятвы.

Сухоручко встала и сказала:

— Разберитесь сами. Предупреждаю: в алкогольных парах я работать не буду! Пусть товарищ, который выпил, найдет в себе мужество и сам покинет помещение.— И она вышла в коридор.

Между тем дядя Гоша продолжал нести свою вахту. И, увидя Сухоручко, обрадовался.

— Добро пожаловать! Вас-то я и дожидаюсь!

— Меня?— удивилась Сухоручко.

— Вас, потому как вы задержались. Жду, уйти не могу, будто часовой. Без разводящего с поста — ни-ни!

— Что у вас за пост? Кого сторожите? Почему меня ждете?

— Пост при бутылке!— рассмеялся дядя Гоша.— А вас жду потому, что вы одни остались. Вся комиссия, можно сказать, уже прошла через мои руки.— С этими словами дядя Гоша полез в заляпанную известкой тумбочку, достал бутылку, на которой красовались четыре золотистые звездочки, и налил полный фужер.

Сухоручко машинально взяла фужер.

— Звиняюсь,— сказал дядя Гоша,— чуть не забыл.

Он извлек из кармана порядком измятую конфету.

— Чива-Чива-Сан! — пояснил он.— Заместо закуски!

Сухоручко взяла конфету и представьте...

— Выпила?— не выдержал кто-то из нас.

— Нет, она пошла, как сомнамбула, держа в вытянутых руках стакан и конфету. Она вошла в кабинет к Холодцу. У членов комиссии разом сполз с лица румянец и глянец.

Новеллист замолчал.

— А что дальше?— спросили мы.

— У меня нет слов и изобразительных средств, чтобы живописать, что было дальше. Одно могу сказать: товарищ Холодец трижды сдавал башню, и трижды Сухоручко ее не принимала. Холодцу пришлось довести объект до умопомрачительной строительной кондиции, и лишь тогда его приняли. Теперь дом демонстрируют студентам строительных институтов как образец. Башня так непередаваемо прекрасна, что студенты окрестили ее непонятным для непосвященных полуэкзотическим именем Чива-Чива-Сан!

Юрий БЛАГОВ

Лирика сатирика

КЛОУН

Он сам молчал,
а тело пело,
Как уникальный
инструмент.
Оно растрогать нас умело
И рассмешить могло
в момент.
Он сам молчал,
но жили мысли
В его движении любом,
Поскольку тонок был
он в смысле
И в переносном и в
прямом.
Он сам молчал,
а зал взрывался,
Зовя артиста вновь
и вновь,
И в нашей памяти
остался
Он звонкой песнею
без слов.

БИОГРАФИЧЕСКОЕ

Я москвич,
но я москвич
Из Самары,
Знал я каждый в ней
кирпич,
Все амбары.
Знал цветы
родной земли
И крапиву.
Знаю слово «Жигули»
Не по пиву.
Было мне
семнадцать лет,—
Стар был город,
А теперь, когда я сед,
Город молод.
Имя Куйбышева он
Носит с честью,
Шлю всем улицам
поклон
И предместью.
Город вдоль и поперек
Стал чудесней.
А «Самара-городок»
Стала песней...

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

— Что вы думаете о новогодней елке? — с таким вопросом решили обратиться корреспонденты Крокодила Бор. ЮДИН и Мих. РАСКАТОВ к некоторым известным поэтам. Однако, не застав их дома, были вынуждены ответить за них,— в жанре шутливой пародии.

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Заглянем в корень!

Друзья!
У меня в квартире
елка —
Коктейль из игрушек,
гирлянд
и огней.
А много ли
в этакой елке
толка!
Гляжу на нее...
Размышляю о ней...
Растет в лесу,
наливаясь силой,
Бесценный
биохимический дар:
Ель — целлюлоза,
ель — древесина,
Ель — смола,
ель — скипидар.
Пусть под ней
скакали бы зайцы...
Нет, срубили.
Так на кой же ляд
Так нерентабельно,
не по-хозяйски
Стоять ей
вешалкой
для гирлянд!

Владимир СОЛОУХИН

Елка под маринадом

В лесу.
Среди обычных сыроежек,
А также рыжиков...
(Замечу, кстати, в скобках,
Что рыжики прекрасны, если
только
Их засолить достаточно умело).
Так вот, в лесу,
В лесу, а не в роддоме,
Родилась елка.
Надо ль удивляться!
Уж если удивляться, то маслятам —
Вот, доложу вам, штука —
в маринаде
Да с чесноком, да с перцем, да
с листочком,
Тем самым, что растет на гордом
лавре...
Ах, чудо-лавр!
И для венка годится,
И плюс к тому собой венчает
блюда!..
А елка — что ж!
Таких в лесу навалом.
Она росла, затем ее срубили.
Все ясно и понятно.
С Новым годом!

Маргарита АГАШИНА

А где мне взять!

А где мне взять такую елку,
что тайно срублена в лесу!
И чтоб никто не догадался,
откуда я ее несу.

— Чувствую, принесут нам на ночь внука и скажут: встречайте, новый год пришел!

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА

ЗАМЕЧЕНО, ЧТО...

в каких бы разных клубах люди ни встречали Новый год, они как будто бы не разлучались.

— А у нас зеркальный шар снежинки по стенам пускал!..

— И у нас пускал!..

— А у нас четвертую серию «Ну, погоди!» показывали!..

— И у нас «Ну, погоди!»...

— А у нас одна девушка в беспроигрышную лотерею выиграла эмалированный таз!..

— И у нас — таз!..

У всех веселили душу аттракционами, у всех танцевали, у всех выступали самородные таланты или летучие эстрадные бригады.

Из всего перечисленного в нашем Клубе «ЧА-ЧА», пожалуй, сложно было бы только повесить зеркальный шар, пускающий зайчики-снежинки. Что же касается кино, танцев и прочих видов массовых новогодних развлечений, то этими проблемами члены нашего Клуба не раз занимались в прошедшем году. И вот, идя навстречу невысказанным пожеланиям, Клуб «ЧА-ЧА» не собирается лишать своих гостей столь знакомых им примет новогоднего праздника.

К счастью, на избранных страницах своего нового сатирического романа «Пепел» (роман напечатает в 1974 году журнал «Молодая гвардия») жгучую проблему эстрады отобразил

Юрий АЛЕКСЕЕВ

Ему-то мы вместе с чашкой чая передаем слово для рассказа о том, как состоялся один

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ КОНЦЕРТ

В клубе машинистов репетировалась программа «Вторая молодость». Зал был затемнен, а сцена ярко освещена. У микрофона стоял рыжий певец с умильно вытаращенными глазами и из последних сил песенно кричал в темноту:

Нам бы только
па-абольше р-работы!
Потр-р-рудней, до
седьмого пота!
По-отому, что мы
молоды, мо-о-о...

— Стоп! Стоп! — оборвал певца ломкий, капризный голос из партера.— Где искренность? Вы поете «Нам бы только побольше...», а я вам не верю. Не верю!

Рыжий потух, и его умильность как ветром сдуло.

— Дайте передохнуть, я с ног валюсь,— сказал он злобно, но искренне.— Шабаш!— и, по-плотничьи спрыгнув с подмостков, уступил микрофон женщине с черными антрацитовыми очами — Гитане Ивановне.

— Эх, и-ехали на тройке с бубенцами! — запела она, колыхнув алой шалью, как пожаром.

— Нет! Нет! — снова показал власть ломкий голос.— Я устал уже повторять: дайте мне что-нибудь гражданское, событийное.

— Мареуллу? — обреченно осведомилась Гитана Ивановна.

— Да хотя бы Мареуллу. На конях-зверях теперь далеко не уедешь: в худсовете Куницкий сидит.

Гитана Ивановна запахнулась простудно в шаль и завела песню про цыганку Мареуллу, заманившую махновцев неправильным гаданием в болото и тем очистившую нужную ей для кочевья землю от врага. Антрацитовый жар в глазах певицы угас, а голос звучал настолько докучливо, что даже невозмутимые, как кладбищенские сторожа, силовые акробаты Якубзон — урожденные Базунов и Яковкин — суматошно заерзали на стульях, и один другому сказал:

— Не надо, не надо было уходить из крематория; чистая, ненадрывная работа без всяких новшеств.

К концу песни Гитана Ивановна едва не вздремнула.

— Прекрасно! Это обогатит программу,— громко обронил режиссер.— Благодарю вас, Гитана Ивановна, вы свободны. Жора, на сцену! Повторим концовку с кордебалетом,— и сигнально похлопал в ладоши.

На сцену живо выпрыгнули четыре хористки-заморыша. Оркестр снова заиграл «Нам бы только побольше...».

Когда Жорик дотянул до победного свое «потому, что мы молоды», девочки вскинули тонкие руки к небу и, приплясывая, повторили: «Молоды, молоды, молоды!» Но так жалостно повторили, что захотелось плакать и никого больше без крайней необходимости не обижать.

— Я не верю! Не вижу, что вы молоды! — рыдающе закричал режиссер.

— Все какими-то нервными стали: «Куй ж-железо, пока не украли!»— разрядил обстановку бодрый, лающий, привыкший к аплодисментам голос.

Режиссер нахохлился, заложил руки в клапаны замшевых штанов и угрозно пропетушил:

— Почему мы опаздываем, конферансье Прокудин?

— Потому что не можем поймать такси,— ответил пришелец.— Шоферня совсем зарвалась. И про это мои куплеты.

Прокудин взлетел на эстраду, открыл крышку рояля, быстренько спрятался за кулису; потом рывком выбежал к микрофону и, гнусавя под Мефистофеля, сообщил:

— Как недавно я узнал,
люди ги-и-ибнут за
металл!

Подсел к роялю и, подыгрывая себе, чужим хамским голосом зачастил:

— Я в Кузьминки
не поеду,—
Говорит водитель
деду,—
Или стой тут, как
пенек,
Или дай мне на зубок...

Прогулялся от борта до борта по взвывшим клавишам и вкрадчиво, с праздничным нарастанием:

Словно на свои
поминки,
Едет мрачный дед
в Кузьминки.
А таксист ему мигает:
Вот, мол, зубы как
вставляют.
Деньги ёк, коль
совесть бар...
И во рту его сияет
самоварный «портсигар»...

Лю-у-ди ги-и-иибнут за
металл!! Ха-ха-ха!

Захлопнул крышку и, опершись на нее локтем, повернулся к режиссеру, всем своим видом спрашивая: «Ну как?»

— Ну что же, зло, актуально и где-то даже умно,— оценил врастяжечку режиссер, с удовольствием прислушиваясь к собственному суждению.— Но не в русле нашей программы. «Поминки с портсигаром» и «Вторая молодость»... Не вижу логической связи.

— Странная у вас, Юлиан батькович, логика,— оскорбился Прокудин.— Эти куплеты я уже на радио записал. И потом, золотые зубы — это и есть, по сути, «вторая молодость». Да вы у братьев Якубзон спросите.

Ложные братья совещательно переглянулись и обнажили в скользкой улыбке золотые коронки, что можно было понять и как: «О да, разумеется!» и как: «Увы, кушать всем хочется, чего там ни пой...».

* * *

Куплет пользовался успехом. А радио дало ему громкую огласку. Не прошло и недели, как в неурочный рассветный час заливистый звонок потревожил сон Николая Николаевича Прокудина.

«Молоко»,— сообщил он сам себе, залезая наугад в тапочки.

Но это было не молоко. В дверях, закрывая их собой почти полностью, торчал кружек на двадцать пива в один присест мужчина, удивительно щекастый, красный, в развороченном телесами полупальто на волчьем меху.

— Вы будете артист Прокудин?

— Ну я,— прикрывая зевок ладонью, удостоверил Прокудин.— А вам что, собственно, угодно?

— Мне угодно набить вам морду.

Николай Николаевич распахнул глаза, и сонливость его сошла на нет.

— «Деньги ёк, коль совесть бар»,—пояснил, сверкнув золотым частоколом зубов, щекастый.— Я Портсигар, из шестого парка.

— П-приятно познакомиться. Но что же мы на пороге стоим? Проходите.

Портсигар вошел, но раздеваться наотрез отказался.

— Я с машиной,— сказал он.— Так вот, за ваше пение мало голову отвернуть,— и воображаемо показал, как это делается.— Мне теперь проходу нет. И на мойке и в колонне все «поминками» да «Кузьминками» тычут. Мало того, как застрянешь на перекрестке под красным, обязательно кто-нибудь на стекло вылезет и орет: «Федя, скинь сигаретку, покажи портсигар!»

— При чем тут вы?! Это собирательный образ,—увещевательно проговорил Николай Николаевич.— Я не вас вовсе имел в виду.

— А то кого же! Тебя сменщик мой, трепач Леха Куницын — между прочим, он на бюллетене сейчас,— с бабой на Садово-Черновятскую вез...

— Тсс, умоляю, потише. А то жена... жена, знаете, нездорова. «Не хватало, чтобы она узнала про Черновятскую!»

— Выйдем? — поманил на улицу Портсигар.

«Нет уж! Выйдем, а ты меня... Вон ты какой — в одной пятерне батон уместится».

— Николай, кто у тебя там? — раздался голос жены, а следом показалась и она сама, живая-здоровая, с растрепанной головой и горящими, как угли, глазами. Испепеляющий жар пробивался даже сквозь очки и свидетельствовал, что слово «Черновятская» ею услышано.

— Это шеф, шеф...— сообщил Николай Николаевич.— У меня шефский концерт.— И к таксисту:—Ведь правильно?

— Правильно,— буркнул Портсигар. — Одевайтесь живее, у меня план.

— Насчет чего план? — обеспокоился Николай Николаевич, страшно горюя, что выходить на улицу все-таки придется.— Я же вам популярно, по-человечески...

— Тридцать два кола в смену, хоть удавись,— мрачно сообщил таксист.— Как просвистишь порожняком из Кузьминок да «канарейка» на рупь накажет, так и запоешь «совесть ёк».

— Да-да, у вас трудная и почетная работа,— замельтешил Николай Николаевич.— «Зеленый друг» — так называют вас в народе. Я сейчас моментально оденусь и спущусь.

Через три минуты Прокудин с вывихнутым, как бы похмельным лицом нехотя спустился во двор.

«Зеленый друг» прохаживался у машины и ожесточенно трамбовал снег ногами. Кулачных намерений он, видно, не отменил, а только отложил исполнение до удобного случая.

— Садитесь! — приказал он.— Нет, нет, ко мне, на переднее.

«Он опять за свое! Откуда эта привычка в нашем народе: как что — по «портрету»?

— Послушайте, Федор, ну какая вам радость меня бить?

Таксист мерзко улыбнулся и сказал:

Со стр. 7.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ КОНЦЕРТ

— У вас сегодня концерт в клубе машинистов. Так?

— Вот именно! — ухватился за соломинку Прокудин.— Придут люди, наши лучшие в мире зрители, а я...

— Отдохни, — оборвал Федор.— Вот билеты, видишь? Сорок штук по рупь двадцать, понял? И все на твой концерт «Песья молодость». Нашим раздам.

— «Вторая молодость»,— механически поправил Прокудин.

— Неважно. Если не хочешь, как мой сменщик, на бюллетень, сегодня же вместо «совесть бар» пропоешь нам это,— и достал из-за пазухи мятую бумажку.— На, читай.

Огорошенный таким поворотом, Николай Николаевич бумажку принял и, стараясь по мере сил быть выразительным, зачитал:

— «На свои, на трудовые вставил зубы золотые всем известный Портсигар. Он ударник нашей базы, не задержанный ни разу, а Куницын обормот. Вот!»

— Вы с ума сошли, Федор! Хоть режьте, а я не могу это спеть.

Федор уязвленно покраснел:

— Что, не нравится? Выходит, «деньги ёк» лучше?

— Да ничего не лучше! Но Куницкий — директор Горконцерта. На что вы меня толкаете, Федор?

— Я директора не толкаю. Тот Куницкий, а мой — Куницын.

— Да какая разница, если он обормот! Мне же потом костей не сосчитать, Федор.

— Ладно, валяй без Куницына,— уступил сговорчиво Федор.— С него бюллетеня достаточно, а не хватит, добавим!

И показал ветровому стеклу кулак настолько ярко, что разбежавшийся было на зеленый глазок пешеход замер как вкопанный и к машине подойти не решился.

* * *

К вечеру ударила оттепель. Тротуары раскисли. Сырость накрыла город душным одеялом, и потные фонари смотрели на площадь трех вокзалов тусклыми желтыми глазами. Прокудину они показались виселицами.

Скверный день сменился для него скверным вечером. Даже сквозь туман из окна гримерской было видно, как вечерний клуб машинистов стискивают кольцом странные такси без седоков и с потухшим черным оком.

Незадолго до выхода, когда тоска и без того обняла Прокудина холодными руками, за кулисы прибежал встрепанный режиссер и сообщил:

— В ложе «А» Снохачев и Куницкий! Кто их звал?!

«Час от часу не легче!»— огорчился в душе Прокудин и с радостно вытаращенными глазами пробкой вылетел на сцену.

— Добрый вечер!— проворковал он, судорожно ища зрачками Федора.— Добрый вечер, молодые мои друзья! Да, да, именно молодые... Почему наша сегодняшняя программа называется «Вторая молодость»?

Вместо ответа на сцену выпорхнул толстенький тапер во фраке, похожий на беременную ласточку. Он подсел к роялю и, откинув разрезной хвост, кивнул Прокудину: дескать, продолжайте.

— Да потому, что все мы с вами, по существу, мальчишки!

Хвостатый тотчас ударил по клавишам, и Прокудин песенно объяснил:

Мальчишки, мальчишки,
пускай пронесутся года.
Мальчишки, мальчишки,
для нас вы мальчишки
всегда-а!..

Сидевший в третьем ряду Федор слушал припевки напряженно и заинтересованно, но вскоре понял, что про золотые зубы тут определенно не скажется, отчего разом поскучнел.

Наконец тапер застучал особенно громко, и Прокудин облегченно заголосил:

Мы стоим у самого порога
И глядим на алый зорьки свет.
М-олодым везде у нас дорога.
Стариков у нас, товарищ, нет!

Снохачев и Куницкий переглянулись, а Прокудин нагнул голову, словно гадал, где это упрятался в щели сверчок, выслушал в этой позиции жидкие аплодисменты и уже раскованно, как бы по секрету доложил:

— Наши артисты эс-стественно тоже молоды... и с каждым годом сбрасывают с плеч годик-другой, хе-хе. Впрочем, вы сами в этом сейчас убедитесь. Выступают лауреаты конкурса сельских скрипачей-силачей братья Якубзон!

Осветитель поменял стекла, и в фиолетовом марсианском полумраке на сцене показался волосатый Базунов с двумя скрипками в руках и сияющим партнером на шее.

Зал притих в ожидании ловкой расправы. Сдавалось, волосатый сбросит сияющего с плеч, как годик-другой. Но этого не случилось. Базунов подал Яковкину скрипку, и тот, шепнув всеуслышно «опаньки», ловко вскарабкался партнеру на голову. Базунов побагровел, но нисколько не обозлился и не потерялся, а в унисон с Яковкиным запиликал «Дым отечества».

Концерт потихонечку тускнел. Выдыхался. И соскучившийся Федор почти в открытую подавал Николаю Николаевичу нетерпеливые знаки да еще наводчиво кашлял, мешая артистам выступать.

«А, была не была!»—Прокудин усадил тапера за рояль, подышал никчемно в микрофон и скрипучим недостоверным голосом пропел:

Молодея, богатеем —
есть такой в народе дар...

Хвостатый положил обе руки на клавиши и сделал утвердительное «бам!». Прокудин вздрогнул и, надрывно чеканя каждое слово, пролаял:

На свои, на трудовые
вставил зубы золотые
всем известный
Портсигар...

Зал секундно затих и тут же взорвался: «А-а-ха-ха! У-у-га-га!!»

В ложе «А» произошло смятение.

— На свои?! — тревожным шепотом переспросил Снохачев.— Он что, взятку уже трудовыми считает? Нарочно подстрекает к чаевым?..

— Уволю, подлеца, уволю по сорок семь В,— прошипел Куницкий, держа для публики протезную улыбку на лице.

А хиханьки все не прекращались. Каково повернул, а? «На свои»— ну надо же... Прямо с изнанки поддел... «На свои»— умора! И тогда, стараясь выправить положение, утихомирить недоверчивую публику, Прокудин сделал зверское лицо и крикнул в зал почти с угрозой:

— Он ударник третьей базы, не задержанный ни разу, вот с кого бы брать...

«С кого бы» так и не было услышано, утонуло в накатившейся волне.

Ни разу еще прокудинская звезда не поднималась так высоко. Такого успеха он никогда не имел. Публика стонала, билась о спинки кресел, вскидывалась: «Ой, не могу!» — а один, не то слишком смешливый, не то слабооплачиваемый, согнуто бежал между рядами на выход, прижимая к животу программку, как грелку. За смешливого Николаю Николаевичу можно было не волноваться, но следом за ним как-то по-матросски мысками внутрь удалялся из зала Федор-Портсигар...

«Перспектива, однако! — подумал Прокудин и затосковал, будто впереди его поджидали бормашина и внеплановая починка зубов.— Что-то теперь будет? Что будет, а?!»

В шумной разноголосице новогодних поздравлений и тостов непременно звучит: «За исполнение желаний!»

Возможно, именно это сказали несколько лет назад, сдвинув свои бокалы, народные художники СССР М. Куприянов, П. Крылов и Н. Соколов. Тогда желанием, а точнее говоря, давнишней мечтой Кукрыниксов было проиллюстрировать лесковский «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе».

Два года вдохновенной работы, не уступающей кропотливому труду искусного Левши, и вот у гостеприимного новогоднего стола Клуба «ЧА-ЧА» уже располагаются, словно живые, герои знаменитого «Сказа».

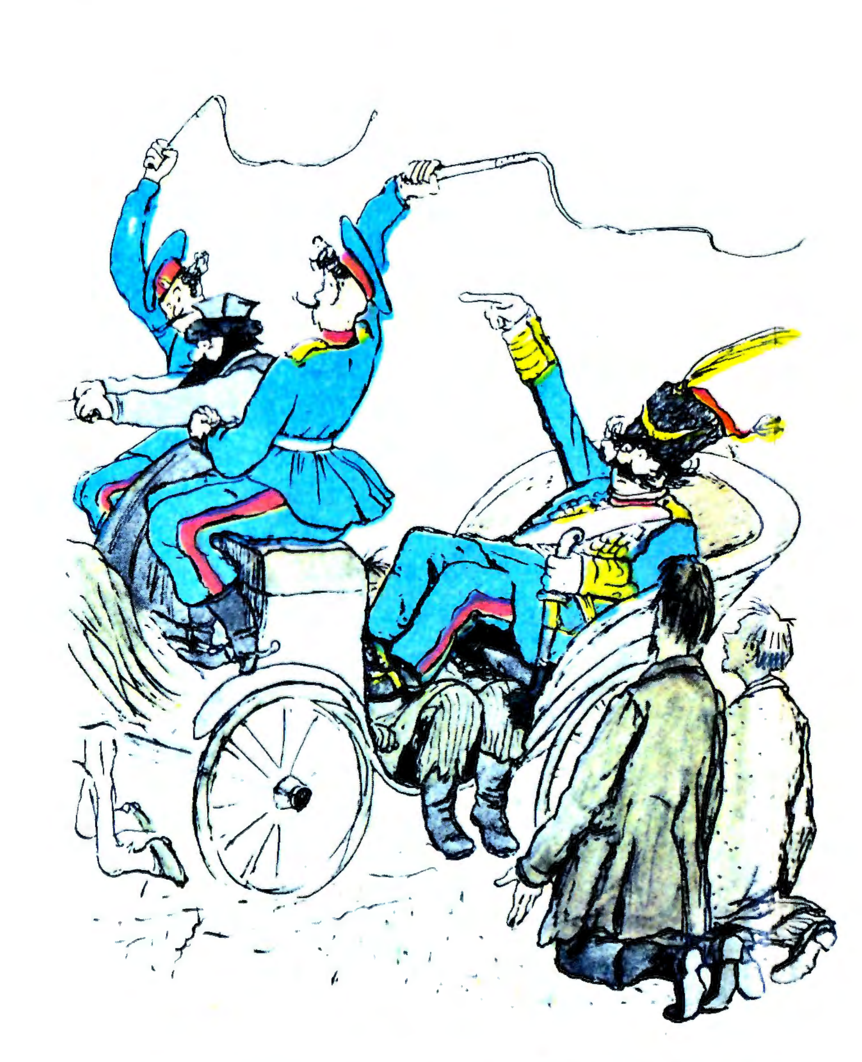

«...а в другую щепотку блошку взял и только ключик вставил, как почувствовал, что она начинает усиками водить, потом ножками стала перебирать, а наконец вдруг прыгнула и на одном лету прямое дансе и две верояции в сторону, потом в другую, и так в три верояции всю кавриль станцевала».

«А как до старого ружья дойдет, засунет палец в дуло, поводит по стенкам и вздохнет:
— Это,— говорит,— против нашего невпример превосходнейше».

«— Сиди,— говорит,— здесь до самого Петербурга вроде пубеля,— ты мне за всех ответишь. А вы,— говорит свистовым,— теперь гайда! Не забывайте, чтобы послезавтра я в Петербурге у государя был».

«Но только когда Мартын-Сольский приехал, левша уже кончался... и он одно мог только внятно выговорить:

— Скажите государю, что у англичан ружья кирпичом не чистят: пусть чтобы и у нас не чистили, а то, храни бог войны, они стрелять не годятся.

И с этою верностью левша перекрестился и помер».

Дружеский шарж Н. ЛИСОГОРСКОГО

ЗАМЕЧЕНО, ЧТО...

за новогодним столом легко возникают стихотворные экспромты. Они рождаются даже у тех людей, которые искренне верят, что «контр-адмирал» и «вице-адмирал» — это неплохая рифма и что «арбуз» можно рифмовать с «футбольным мячом», потому что они оба круглые. Застольные стихотворные экспромты в основном варьируют одну и ту же тему:

За здоровье милых дам
Поднимаем по сто грамм!..

С чаем такие стихи, как говорится, «не едят». Чай ценится своим ароматом, крепостью и бодрящим действием, поэтому и стихи, звучащие в Клубе «ЧА-ЧА», приходятся по вкусу, если они бодрят нас, крепки мыслью и радуют ароматом поэзии.

В связи с вышеизложенным позвольте, дорогие гости, представить вам нашего следующего собеседника — поэта-сатирика

Сергея СМИРНОВА,

которого за нашим праздничным столом мы приветствуем особо, поскольку прошедший год — шестидесятый год его жизни. Не теряющий молодого задора поэт свое сегодняшнее выступление в Клубе «ЧА-ЧА» обеспечил, собрав

С МИРУ ПО ШУТКЕ

ХОББИСТ-ОДНОЛЮБ

Его
единственное
хобби —
Любовь
К одной...
своей особе.

ЯВНОЕ РОДСТВО

Узрел
орангутанг
красавца Хиппи
И, просияв, изрек
при этом типе:
— О Человек,
Входи
под крышу клетки —
Поговорим
О нашем
общем предке!..

МНИМАЯ ЗВЕЗДА

Свои тенета
сплел Паук
При Академии наук —
И мыслит,
Лапы растопыря,
Что он
звезда
в ученом мире.

ЗВЕРЮГА-АНОНИМ

Ох, и силен зверюга
Аноним!
Сам царь зверей
бессилен перед ним:
Возьмет
И, анонимно обнаглев,
Докажет:
«Се Собака,
А не Лев!»

ТИП-ТИПЫЧ

Обоймет
рукою липкой,
Чмокнет, нежен и мордаст,
А простясь,
кивнет с улыбкой
И —
Восторженно...
Предаст.

ПОРТРЕТ С НАТУРЫ

Над настырностью глаз
Густо
космы нависли.
Низкий лоб.
Громкий глас.
«Плоскостопие» мысли.

МУРЛЫКА-ЖИВОГЛОТ

Мурлычет Кот
О «чувстве локтя»...
А Мышку
ждет
И... точит когти.

ЛЮБОВЬ ПО РАСЧЕТУ

Пел Соловей:
— Люблю тебя, о Роза!
А Роза
все обдумала трезво,
Стряхнула слезы-грезы
И тишком
Сбежала
с... толстым
Денежным мешком.

СЕРОСТЬ

Бездарна
суть
ее «персонства»,
Но,
распростершись наяву,
Она
коварно
Гасит Солнце
И заслоняет
Синеву.

СОРОКИ-БАЛАБОЛКИ

Узрела
Балаболка
Балаболку,
И балаболят
Час и два
Без толку.

...Не-е-т, это
не пернатые
на ветке,
А наши
Вместе взятые
Соседки!

ВЕДЬМА-КОНСЕРВАТОРША

— Я, — говорит, —
держусь такого взгляда,
Что нам ракетной техники не надо.
И, как Ракета, носится во мгле
Верхом
на персональном Помеле.

ПРОБЛЕМА ДОЛГОЖИТИЯ

Две птицы
как-то раз
сошлись за разговором.
— Я триста лет живу! — хвастливо каркнул
Ворон.
А Соловей изрек:
— Не пой, что жизнь длинна, —
Важнее,
сколь талантлива она!

ЗАМЕЧЕНО, ЧТО...

как бы ни был широк круг людей, приглашенных к новогоднему столу, кого-то все равно не хватает. Столь широка душа и щедро сердце празднично настроенного человека! Чей-то ненаглядный зять сейчас в Антарктиде, чей-то родной директор на даче, чья-то любимая девушка уехала на праздники к родителям в город Быхов.

На нашем новогоднем чаепитии подобных проблем не существует. Нам нет ничего проще—протянуть чашку чая писателю

Ивану ГАЙДАЕНКО

и получить от него в ответ

СИГНАЛ БЕДСТВИЯ

Моряки — народ мобильный. Подняться по тревоге или отметить праздник — они всегда едины и дружны. И сегодня в 23 часа 30 минут в столовой команды все было готово к встрече Нового года, но задерживался капитан и с ним Дед Мороз — начальник радиостанции судна.

Наша Снегурочка Машенька, в красных сапожках, в белом нейлоновом кожушке с блестками, проявляла необузданное стремление начать трапезу. Она рвалась к столу, заваленному яствами. Безумным озорством горели ее глаза при взгляде на убранную елку, где на ароматных зеленых ветках покачивались натуральные яблоки, конфеты и самое неотразимое — бананы. Не знала обезьянка, что тропические плоды ее родины были изготовлены из безвкусного папье-маше. Машеньку надежно удерживал на поводке неусыпно-бдительный четвертый штурман.

В этот знаменательный час наше судно находилось где-то в центре Черного моря, направляясь из Новороссийска к Босфору. Погода выдалась на удивление тихой-тихой. Видимо, и сам Нептун увлекся праздничными новогодними хлопотами и забыл о своих декабрьско-январских обязанностях.

— А у нас на «Трансбалте» тоже ждали, ждали Деда Мороза, а он взял и онемел,— родилась неожиданная ассоциация у моториста.

— Как онемел? Языком не мог ворочать?

— Мед ел, а пчела ужалила прямо в язык. Он и распух, как луковица.

— Какая пчела в январе? Фантаст!

— В Мексике это было, в Тампико...

— А помнишь, Виктор, шестьдесят пятый встречали в Лондоне,— басит корабельный плотник,— тогда наш Дед Мороз к столу явился с полицейской дубинкой, которую выменял у английского бобби на бутылку русской водки.

Все как водится. Перед застольем мореходы вспоминают былое.

— А прошлый год в Италии помнишь? Когда наш доктор...

И все рассмеялись.

Итальянцы в новогоднюю ночь выбрасывают из окон прямо на улицу всякий старый, ненужный хлам. В Генуе на виа Грамши наш судовой медик угодил под старую дырявую перину. Представляете, с черного новогоднего неба на безлюдной улице наваливается что-то большое, тяжелое, мягкое... Целый час наш доктор чихал от пыли. На судно пришел весь в перьях и злой-презлой, а сейчас сидит улыбается, отшучивается:

— Хорошо, что перина, а если бы... корыто? Чудной обычай.

Воспоминания — это совсем неплохо, но время не стоит на месте. Стрелки часов уже показывают без двадцати, можно опоздать с проводами. А капитана и Деда Мороза все еще нет. Что там могло случиться?

В темноте мостика капитан прикипел к биноклю, не отрывает глаз от встречного судна. Странно ведет себя молчаливый корабль, что-то творится с ним непонятное: то вправо завалится, то влево повернет... Все время рыскает, шарахается по всем румбам.

В радиорубке наш Дед Мороз сменил свою белую ватную шапку на наушники, пытается установить связь с подозрительным встречным, узнать, что происходит с ним, а он молчит, ни слова, ни звука. Словно там вымерли все. Бедный наш Дед Мороз весь покрылся испариной, борода сбилась в ком и напоминает банную мочалку, по красному носу пот ручьем, усы отклеились и повисли на левой скуле.

А встречный идет на сближение.

— С ума он сошел, что ли? — нервничает капитан.— Право на борт!

Вахтенный штурман морзит ночному сумасброду световыми вспышками, но никакого ответа. И вдруг сигнал бедствия. В черную высь взлетела красная ракета и повисла на парашюте.

Значит, не «Летучий голландец», есть на корабле живые.

— Скисло, наверное, рулевое управление,— высказывает догадку помощник.

— В голове управление скисло,— бросает капитан и кричит начальнику рации:— Вызывай, вызывай его, Санта Клаус! Пробуй по радиотелефону.

Шумя потоком воды, встречное судно прошло мимо нас в двух-трех кабельтовых. Мы осветили его прожектором и прочли: «Рикко»— и либерийский порт прописки — «Монровия». Ни одной живой души на мостике не было видно.

Без пяти двенадцать. Налиты фужеры, пузырьки шампанского поднимаются кверху и лопаются, брызгая винной пылью.

— Эх,— тяжело вздыхает, словно машина перед пуском, старший машинист,— хорошо новогодить дома. На вахту не выходить, вдоволь наговоришься с приятелями, а утром жена холодную бутылку к постели тащит: «Пей кефир, Васенька, поправляйся!»

В этот миг в иллюминаторы столовой угрожающе заглянули огни встречного судна. Все вскочили со своих мест и высыпали на палубу. Минуя нашу корму, «Рикко» повернул вправо и пошел следом за нами.

— Никак намечается новогодний абордаж,— предположительно бросил боцман.

Запрашивает и запрашивает Дед Мороз: что случилось, что нужно либерийцу? По-хорошему и по-мужски. Не отвечает «Рикко», неотступно следует за нашим судном и похоже, что догоняет нас. Но вот что-то зашуршало и засопело в динамике:

— Фууу, фууу...

Наверное, продувает трубку.

— Хее-ллл-ооо,— послышалось хриплое,— дрр-иинк... аааммmууу...

Все стало понятным. Но как уйти от пьяного «Рикко»? Капитан повернул еще вправо, либериец тотчас же повторил наш маневр. И снова что-то зафыркало в динамике, но на этот раз рычал другой голос, более внятно:

— Горит... Все горит... Тушить, тушить надо... А у нас ни одной капли виски... Не утруждайте себя, капитан... Я включу прожекторы и... пришвартуюсь к вам лагом... Погода отличная... Мы прекрасно встретим Новый год вместе...

Теперь молчали мы.

— Почему... Не ворочаете языком,— продолжал ворчать динамик,— вы тоже?.. Накрывайте стол, кэптен,— через полчаса я буду рядом.

Мы подвернули влево, «Рикко» пошел за нами. Мы метнулись вправо, «Рикко» сделал то же самое. Расстояние между судами сокращалось. Дурацкая игра пьяного в ночном море не сулила ничего доброго. Капитан сам взял трубку радиотелефона.

— Вы с ума сошли, что ли? — гаркнул он басом.— Проспитесь!

— Не могу уснуть,— жалобно отвечал тот же голос.— Все горит, внутри все тлеет...

— Пейте пиво,— посоветовал ему Дед Мороз,— хорошо тушит...

— А у вас и пиво есть? — радостно воскликнул «Рикко».— У нас все выпили, черти.

Из динамика вырвался какой-то шлепок, мычание, треск и зазвучал вполне трезвый и ясный баритон:

— Извините, коллега! Я капитан Свитенс... Мне нужна ваша помощь.

— В чем? — схватил трубку наш капитан.— Что вам нужно?

— Мне нужен хотя бы один трезвый человек и доктор.

— Хорошо, спускайте шлюпку. Я отправлю к вам пятерых с доктором.

— Благодарю вас, о'кэй! — И вдруг Свитенс захохотал: — Кто, кто будет спускать шлюпку? Все пьяны вдрызг, я одинок... Я осторожно подойду к вам лагом.

— Не могу принять вас, у меня на борту высокооктановый бензин,—соврал наш капитан,— остановите машину, я спущу свою шлюпку.

— О'кэй, благодарю,— защелкали, застрекотали рычаги дистанционного управления. «Рикко» застопорил свой двигатель.

— Не забудьте, пожалуйста, коллега, передать со своими мальчиками бутылку русской водки,— слабеющим голосом произнес Свитенс,— а еще лучше две...

— Хорошо.

— И если ваша любезность столь безгранична — пиво тоже... Хрр-хрр-хрр... Хрр-хрр-хрр...

Это уже был настоящий храп. Капитан Свитенс спокойно уснул с трубкой радиотелефона, а «Рикко» лежал в дрейфе.

— Так безопаснее,— заключил наш капитан, вздохнул, вытер платком мокрый лоб.— Ложимся на свой курс.— И они с Дедом Морозом поспешили в столовую.

Был второй час ночи, пузырилось нетронутое шампанское. Экипаж покатывался от смеха: кто-то извлекал из томатного сока красные сапожки Машеньки, отлепливал консервированный перец от экрана телевизора, на елке висела лапша с курятиной, зверски распотрошенные бананы валялись на столе и на полу. В кресле лежала недопитая бутылка шампанского, и рядом наша милая Снегурочка с трогательной нежностью примеряла измазанную шоколадом корону из фольги.

— С Новым годом! — провозгласил первый тост капитан.

Все подняли бокалы, а Машенька, обняв игрушку, безмятежно уснула, свалившись на бок. Она свой Новый год уже встретила...

г. Одесса.

У каждого праздничного стола свое меню. Кто-то предпочитает классического жареного гуся. Клуб «ЧА-ЧА», как уже было замечено,— самовар. Кому что по вкусу...

Однако существует целый ряд традиционных новогодних блюд, не значащихся ни в старинном кулинарном руководстве «Кухмистер», ни в позднейших пособиях для домохозяек. Блюда эти явно не по вкусу всем, кроме их создателей. Итак, для сведения ознакомьтесь с негодным к употреблению

ИХ МЕНЮ

Рисунки В. СОЛОВЬЕВА

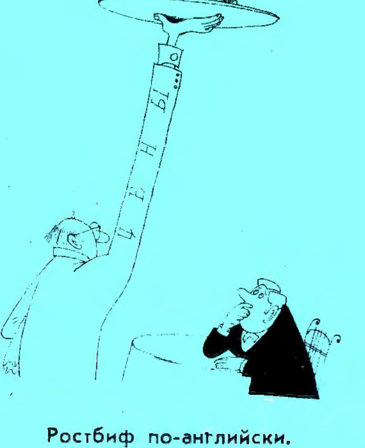
НАТОтения фаршированная.

Макароны по-флотски.

Выпивка с закуской.

Ростбиф по-английски.

Мороженое по-шпрингеровски.

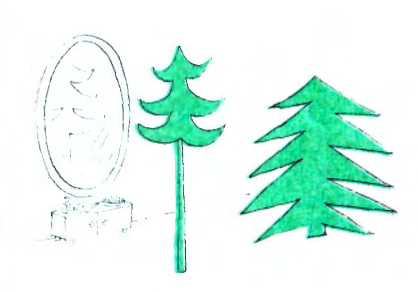
Меткое народное выражение «елки-палки» передает самые разнообразные чувства человека. Эти зарисовки, представленные к сегодняшнему чаепитию в Клубе «ЧА-ЧА», должны, по замыслу их автора, вызвать у вас, дорогие гости, улыбку. Итак —

Александр СЕМЕНОВ

ЁЛКИ-ПАЛКИ!

Часть I
ЁЛКИ

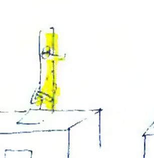

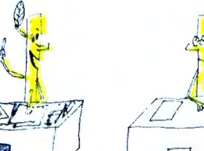
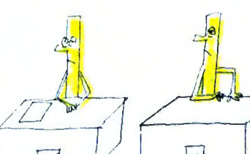

— Неужели ты так и пойдешь?

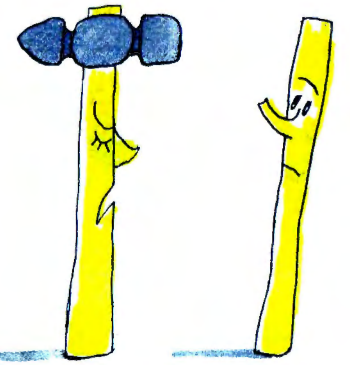
— Ах! Он приглашает нас на встречу Нового года!

Часть II
ПАЛКИ

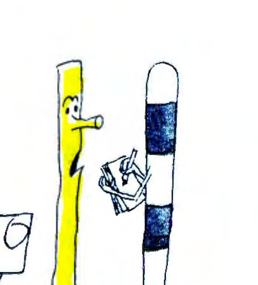
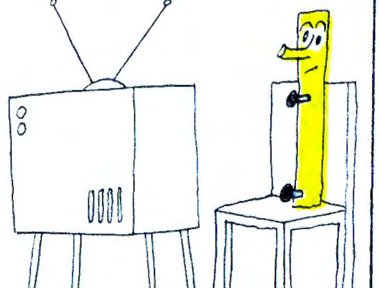

— У меня идея!

— Работа у меня умственная, все больше головой...

— Здравствуйте, я ваш новый начальник.

ЗАМЕЧЕНО, ЧТО...

если за новогодним столом бывает произнесена конкретная здравица в честь кого-то из присутствующих, то этот человек просто обязан каким-то образом выкрутить ответный тост. Иначе ходить ему впредь с клеймом некомпанейского субъекта. Возникающая таким образом цепная реакция постепенно захватывает всех собравшихся и превращается в самоцель.

За чайным столом это исключено. Чай, благотворно влияющий на организм, тем не менее никогда не пьют за чье-то здоровье. Разве что для собственного. Поэтому, чтобы поддержать компанию, в Клубе «ЧА-ЧА» совершенно необязательно привлекать к себе внимание фразой: «Я хотел бы поднять эту маленькую чашку в ответ на...» Можно просто сразу начать рассказывать, как это и делает писатель

Феликс КРИВИН,

предлагая вам:

Игуана Ума

Игуана Ума додумалась до того, что ей песок в какой-то степени заменяет воду. В пустыне воды нет, поэтому здесь что-то должно заменять воду. Хотя бы песок.

Песок струится под ветром, вздымая волны барханов, он покрывается зыбью, зыбучей, словно вода. И уходит за горизонт, не скованный берегами, с тихим шуршанием — сухим плеском... Те, кто в этом шуршании не слышит плеска воды, никогда не полюбят пустыню так, как любит ее игуана Ума. А кто не полюбил пустыню, тот никогда в сухом шуршании не услышит плеска воды. Не почувствует в испепеляющем зное прохлады.

Там, где того, кто не любит, подстерегает опасность, того, кто любит, ожидает спасение. Игуана Ума в случае опасности ныряет в песок, как можно нырять только в воду, и плывет под песком, как плывут под водой те, для кого вода — родная стихия.

Когда стихия родная, она ведет себя, как родная,— будь то вода, воздух или песок. А когда стихия чужая, она тебя иссушит в воде, утопит в самой безводной пустыне.

Такова природа вещей. Такова природа. Либо она родная стихия, либо стихийное бедствие.

Кенения Удивительная

Кенения Удивительная и сама удивляется, что живет. При выходе на сушу, когда все меняли жабры на легкие, Кенения совершила неудачный обмен: и жабры у нее отобрали, и без легких оставили. Возникает вопрос: а как же дышать? Неизвестно как, но Кенения приспособилась. Она дышит кожей, хотя это, конечно, уже не то. Ни глубоко вздохнуть, ни с облегчением выдохнуть.

Затем, когда стали распределять места на земле, Кенению почему-то загнали под землю. Разве можно жить под землей? Вероятно, нельзя, но Кенения приспособилась. Она живет под землей и редко выходит на свет. И вообще она плохо относится к свету. Может быть, потому, что когда всем раздазали зрение, Кенению тоже обошли, и она осталась слепой. Конечно, приспособилась, но с тех пор она не выносит света.

И опять возникает вопрос: как же так? С одной стороны, не видеть свет, а с другой — его ненавидеть. Разве это возможно?

Конечно, нет.

Невозможно.

Но Кенения приспособилась.

Инстинкт сопровождения

Стоит Лосенку отбиться от матери, и он не знает, куда идти. Ведь он сам не выбирает дорог, он лишь сопровождает тех, кто выбирает дороги.

Пройдет мимо Корова — Лосенок за Коровой пойдет.

Пройдет Лошадь — пойдет за Лошадью.

А Медведь пройдет — Лосенок увяжется за Медведем. Можно себе представить, куда его заведет Медведь!

Но что делать, такой уж у Лосенка инстинкт — инстинкт сопровождения большого животного. Кто побольше, за тем и иди. Неважно куда, но иди. Потому что сам он не выбирает дорог, он лишь сопровождает тех, кто выбирает дороги.

Скальные морские ежи

Входя, не забывайте о выходе. Не следуйте примеру некоторых морских ежей.

Некоторые морские ежи входят в свое жилище, забывая, что им придется из него выходить. И они живут, ни в чем себе не отказывая, тем более что все это им само плывет в рот.

В такой ситуации, конечно, толстеешь. До того растолстеешь, что потом не пролезешь в дверь. И когда приходит пора выходить, морские ежи начинают сетовать и роптать на судьбу, которая не оставила им выхода... Но разве судьба не оставила им выхода? Судьба дала им выход, когда давала вход. А они, помня о входе, забыли о выходе.

И теперь они мечутся, морские ежи: «Где выход? Нет выхода!» И жилище их превращается в то, о чем даже грустно сказать.

Упрямая рыба Форель

Тот, кто плывет против течения, никогда не выйдет в открытое море. И никогда он не достигнет настоящего роста. Он навсегда останется в тесных речных берегах.

Большому кораблю — большое плавание, малому кораблю — малое плавание. Форель никогда не станет большой, как другие лососи, и не будет ей большого плавания — в океан.

Потому что она всю жизнь плывет против течения. Река течет в океан, а Форель плывет против течения. Как же она может попасть в океан?

Каждому открыта дорога в океан. Но, конечно, не тем, кто плывет против течения.

Убегающая от солнца

Сольпуга — это значит Убегающая от солнца. Подальше, куда-нибудь в ночь. У темноты свои преимущества: спокойней для глаз и вообще спокойней. Мы ведь не на сцене живем, нам не требуется собирать зрителей. Кто-то, допустим, вообще питает антипатию к паукам, так он при самом ярком свете не увидит ничего хорошего.

Хорошее не так просто увидеть. Можно всю жизнь прожить и не увидеть ничего хорошего. Поэтому Сольпуга убегает от солнца — подальше куда-нибудь в ночь. Туда, где не видно хорошего, но не видно зато и плохого.

Откуда же берутся эти Солнечные Сольпуги? Сольпуги, бегущие к солнцу? Ведь это же нелепо: Убегающие от солнца — в то же время бегущие к солнцу. Может, у них особо устроены глаза, может, их глаза умеют видеть хорошее?

А может, им хочется себя показать, собрать вокруг публику?

Глупо. Публика все равно не поймет. Будь ты хоть самым что ни на есть паукообразным, публика не оценит. Она лишь будет тыкать пальцами в твою личную жизнь. А зачем это нужно? Не такая у нас личная жизнь, чтобы в нее тыкали пальцами. Поэтому нам, Сольпугам, лучше подальше от солнца, как можно дальше от солнца...

Откуда же берутся они — Солнечные Сольпуги?

г. Ужгород.

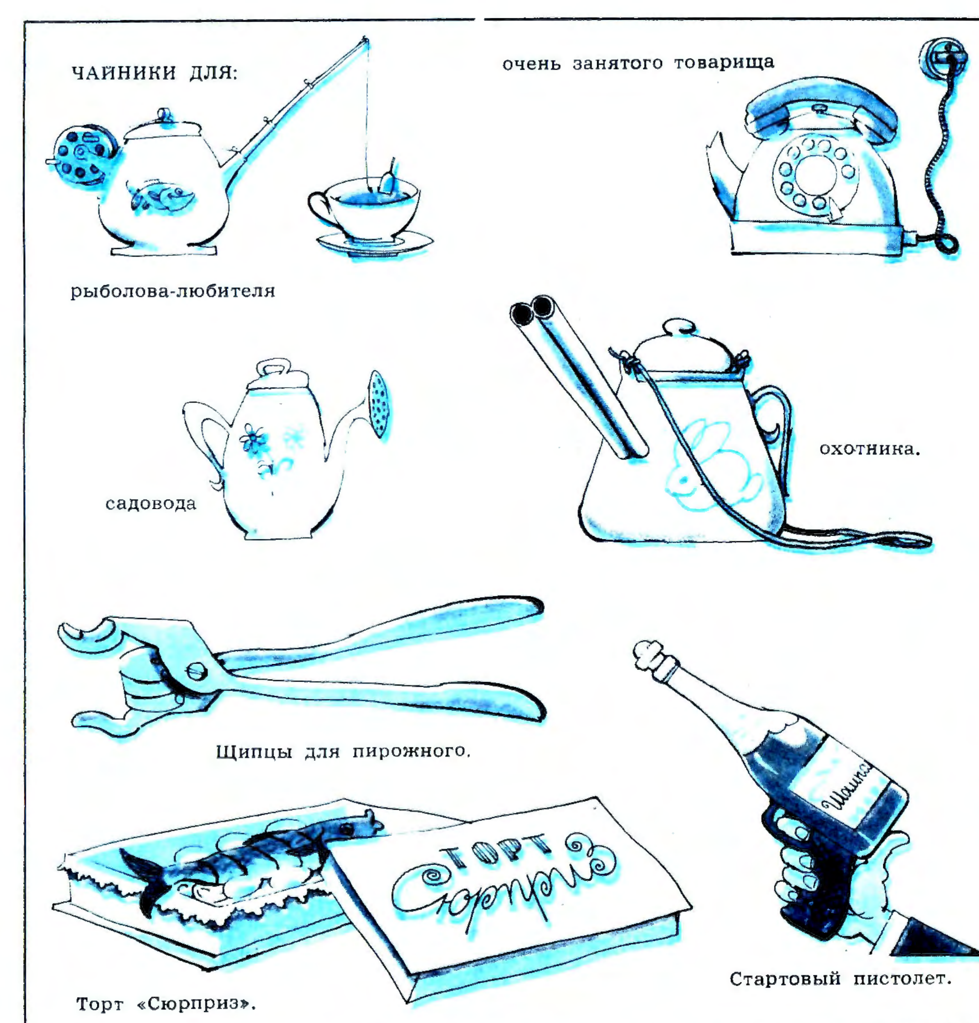
Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— Иван Иваныч, нарядишься Дедом Морозом и придешь ко мне домой под Новый год. В мешок положишь: коньяк, шпроты, буженину, масло, цыплят, колбасу, ананасы, торт, ну и остальное по твоему усмотрению...

МАЛЕНЬКИЕ ХИТРОСТИ

Рисунки Л. САМОЙЛОВА

ЧАЙНИКИ ДЛЯ:

рыболова-любителя

очень занятого товарища

садовода

охотника.

Щипцы для пирожного.

Торт «Сюрприз».

Стартовый пистолет.

Рисунок
А. ЦВЕТКОВА

На новогоднее заседание Клуба «ЧА-ЧА» прибыла целая дюжина почетных гостей — авторов «Крокодила», которым присуждены

ЕЖЕГОДНЫЕ ПРЕМИИ

Пока лауреаты помешивают ложечками в чашках и включаются в оживленную беседу, хозяин клуба, как вы видите, выставляет их портреты на всеобщее обозрение.

За что же, поинтересуетесь вы, удостоены все эти симпатичные товарищи крокодильской награды! Уточним:

Евгений ВЕДЕРНИКОВ — за карикатуры: « — Сразу видно: из деревни!» [№ 28], « — А я слышал, что наш поселок будет побратимом самой Венеции» [№ 31].

Борис ЕФИМОВ — за карикатуры цикла «Крокодильская зоология» [№№ 24, 27, 30, 32, 34].

Владимир ЖАРИНОВ — за темы к циклу карикатур Б. ЕФИМОВА «Крокодильская зоология».

Николай ЗВЕРЕВ — за фельетон «Операция «Ондатра» [№ 16].

Владимир КОТЕНКО — за репортаж «Море проблем» [№ 21].

Гиви ЛОМИДЗЕ — за карикатуру «Израильская мухоловка» [№ 16].

Эдуард ПОЛЯНСКИЙ — за фельетоны: «Как выглядит карп!» [№ 6] и «Традиционный кулак» [№ 10].

Иван СЕМЕНОВ — за карикатуру « — Этого товарища нужно срочно выловить. Без его подписи акт о приемке моста будет недействительным!» [№ 14].

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА — за поэтические миниатюры: «Темница», «Диалог», «Пустая ноша» [№ 13].

Юрий ФЕДОРОВ — за рисунки к репортажу «Море проблем» [№ 21].

Игорь ЧЕРВЯКОВ — за рассказ «Визит купчихи» [№ 23].

Александр ШЕЙНИН — за фельетон «В бронированной сорочке» [№ 1].

Всем награжденным — сердечные поздравления и пожелания творческих успехов в Новом году!

Уже под конец вечера, когда гости и хозяева, вдоволь натанцевавшись, снова собрались у фыркающего паром самовара, появился М. Семенов.

— Откуда в такой поздний час? — спросили его.

— Из братской социалистической Югославии.

— Что привезли для Клуба «ЧА-ЧА»?

— Улыбки наших друзей-черногорцев.

Примерно на широте Тбилиси, доложил новый рассказчик, находится Титоград — столица Черногории — самой маленькой из югославских республик. Здесь, в небольших городках и селах, прилепившихся к горным утесам, живут отважные воины, заботливые хозяева и строители новой жизни. Как и всюду в Югославии, кипит под высоким небом Черногории созидательный труд. Назовем для примера несколько крупных строек: алюминиевый комбинат, судостроительная верфь в Которской бухте, железная дорога, которая свяжет Черногорию с центром страны и побережьем Адриатики.

Черногорцы возделывают землю, строят и... улыбаются. Самобытный черногорский юмор уходит своими корнями в далекое прошлое. Он всегда — в годы подневольной жизни, годы борьбы и в дни мира — служил и служит надежной духовной опорой народа. Черногорцы шутят сами над собой, что, как известно, могут позволить себе только сильные люди...

Посетители Клуба «ЧА-ЧА» услышат сегодня несколько незатейливых коротких историй, в которых действуют сообразительные, находчивые черногорцы.

Пользуясь случаем, редакция выражает свою благодарность сотруднику белградского юмористического еженедельника «Еж» Миловану Витезовичу и профессору Нико С. Мартиновичу за ценное содействие, оказанное нашему корреспонденту в изучении и сборе материалов о черногорском юморе.

УЛЫБКИ НА ШИРОТЕ ТБИЛИСИ

В былые времена, когда черногорец попадал на военную службу, он старался получить обувь как можно большего размера. У одного новобранца спросили, почему он так поступает.

— В просторной обуви легче служить,— ответил новобранец.— Когда мне командуют «Налево кругом!», ноги быстро делают поворот, а сапоги остаются на том же самом месте.

В маленьком черногорском селе снаряжался партизанский отряд. Одному юноше выдали короткий итальянский карабин. Юноша обратился к своему деду:

— Дедушка, скажи, зачем они дают мне эту короткую винтовку? Ведь пуля из нее далеко не полетит. Как же я буду разить неприятеля?

— А ты подходи к нему поближе,— посоветовал дед.

Звонко Мичунович давно покинул свое село, затерянное в горных теснинах Черногории. Наконец он решил навестить родные края и прилетел в Титоград. Обрадованные сельчане послали за земляком коня — смирного, неторопливого мерина, чтобы отвыкший от верховой езды гость не оказался выброшенным из седла. На коне Мичунович и добрался до села, где родился и вырос. Первый, кого увидел знатный гость, был семилетний парнишка. Разговорившись с ним, гость сказал:

— А ты ведь Вуков внук.

— Правда, а как ты догадался?

— По Вуку.

— Ага. А ты, значит, будешь Звонко Мичунович?

— Правильно. А ты как догадался?

— По мерину.

Раньше многие черногорцы в поисках лучшей доли эмигрировали в Америку. И вот недавно такой черногорец, проживший за океаном больше полувека, с группой туристов оказался в Титограде. Отсюда он захотел съездить в родной Котор, расположенный у самого моря, но по ошибке сошел с автобуса в Цетинье, древней черногорской столице, стиснутой со всех сторон горными кручами.

Турист растерянно бродил по незнакомым улицам и наконец догадался, что попал не туда.

— Скажите, милейший,— обратился «американец» к прохожему,— скоро ли пойдет пароход в Котор?

— Довольно скоро,— ответил тот.— Ровно через час после обеда. Если, конечно, будет вода...

Случилось это в двадцатые годы. В село приехал на каникулы студент — сын местного богатея, проходивший обучение за границей. Желая просветить своего дальнего родственника, вечно ходившего в батраках, он дал ему почитать книгу «Как стать богатым». Книга была издана на прекрасной тонкой бумаге. Через неделю студент встретил родственника и спросил:

— Ну, как книга? Понравилась?

— Отличная. Я ее уже всю закончил. Прошу тебя, привези еще, если приедешь на будущий год. А может быть, лучше захватишь папирос? Потому что теперь все труднее становится доставать табак...

Черногорец, будучи в командировке в Любляне, остановился в гостинице. Ему пришлось жить в одном номере тоже с командированным-словенцем. Вечером у них погас свет: перегорела лампочка.

— Сейчас мы это исправим,— сказал словенец и отправился к дежурной за лампочкой.

Вскоре он вернулся и сказал черногорцу:

— Держи лампочку и становись ко мне на плечи.

Черногорец повиновался. Прошла минута, вторая, третья... Словенец поднял голову и спросил:

— Слушай, что же ты не вкручиваешь лампочку?

— А почему ты не поворачиваешься? — ответил тот.

Ошибка ангела

(Легенда древняя)

Черногорец мирно шагал по шоссе, проложенному среди скал. И вдруг он услышал чей-то голос:

— Прыгай в сторону!

Черногорец прыгнул, и вслед за тем на дорогу обрушился камнепад.

Оглядевшись и не увидев рядом своего спасителя, озадаченный черногорец продолжал свой путь. Но на особенно крутом изгибе шоссе он опять услышал тот же голос:

— Прижмись к скале!

Путник, не рассуждая, последовал совету. И в тот же момент мимо с бешеной скоростью промчался автомобиль. Не раздайся своевременно предупреждение, гибель черногорца была бы неминуемой.

Придя в себя после пережитого потрясения, черногорец снова оглянулся и снова не увидел никого.

— Скажи мне, кто ты, добрая душа? — спросил черногорец.

И услышал в ответ:

— Я твой ангел-хранитель.

Тут-то черногорец заметил на своем плече крохотного человечка.

— Дорогой ангел,— проговорил черногорец,— спустись с плеча, я хочу тебя получше рассмотреть.

И когда крохотный человечек приблизился к ладони черногорца, тот схватил его и воскликнул:

— А где же, негодник, ты был, когда я женился?!

А если бы «Я»?

(Легенда современная)

Чтобы попасть из Котора в Титоград, нужно от моря подняться по извилистой горной дороге на головокружительную высоту. Мотор переполненного громадного автобуса ревет натужно, будто задыхаясь: «Р-рр-р... тах-тах-х... р-рр-р...»

Под такую песню не уснешь и не забудешься. Мой спутник — белградский журналист Брана бледнеет и постепенно становится белым как полотно. Бешеные танцы автобуса над пропастью совсем вывели его из строя.

Желая как-то развлечь Брану, наш сердобольный сосед-черногорец начинает рассказывать такую историю.

— Послушайте,— говорит он,— что случилось, когда прокладывали тут дорогу. Инженер влюбился в дочку здешнего князя и решил на ней жениться. Но, конечно, князья не захотели породниться с бедным инженеришкой и грубо ему отказали. Тот решил всю жизнь оставаться холостым, а имя своей избранницы сохранить на века. Звали ее Мария. А теперь взгляните вниз...

Мы глянули вниз и увидели, что где-то там на горном плато дорога четко выписала букву «М».

У Браны опять закружилась голова. Потом, несколько придя в себя, он сказал:

— А все-таки мудрые были раньше у черногорцев матери. Красивые и простые имена давали своим дочерям: Мария, Любовь, Ольга... А представь себе, если бы ту княжну звали, скажем, на польский манер Ядвигой? Тогда бы мы на зигзагах и поворотах наверняка костей бы не собрали...

Нарочно не придумаешь

«4 октября 1973 года магазин закрыт на скрытие товаров. Продавец».

(Объявление).
Списал Я. Кушнарев, пос. Лямино, Тюменской области.

«Проверяющие выглядели настолько шаромыжно, что никто не мог подумать, что они с ОБХСС. Вид у них шаромыжный, ботинки грязные, девочки на раздаче посмотрели на них и подумав, что они никто, и решили поступить как с остальными, недолили им супа 90 г и все остальное».

(Из объяснения зав. производством столовой).
Копию снял А. Иванов, г. Донецк.

«Лучегорск. (По телефону). Начались заполнение пруда-охладителя работниками дирекции строящейся Приморской ГРЭС».

Газета «Красное знамя», г. Владивосток.

«Товарищ Никулин по кличке Дина получает золотую медаль и грамоту первой степени».

(Объявление на выставке собак).
Записал С. Бобков, г. Волгоград.

Мимоходом

Не всякий тост подходит под гост.

К Новому году украсили елку и приукрасили отчет.

Юбиляр: год, как почил на лаврах.

Когда обильно льются тосты, бокалы стоят полные.

Год пролетел, как такси с зеленым огоньком.

С. МАРКОВ

ЗАМЕЧЕНО, ЧТО...

празднованию Нового года тоже приходит конец.

И в этом Клуб «ЧА-ЧА» ничем не отличается от прочих. Выпит до дна самовар. Собраны чашки. Наши чайные посиделки на сегодня закончены.

Позвольте же, прощаясь с вами до следующих встреч, пожелать вам

СЧАСТЬЯ в Новом году!

— Ну, скоро там?

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

КРОКОДИЛ

№ 36 (2082)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: Д. Агаев, М. Битный, М. Вайсборд, В. Жаринов, В. Каневский, О. Корнев, В. Мохов, В. Мочалов, Л. Самойлов, В. Соловьев, Ю. Степанов, В. Тильман, М. Ушац.

НАШ АДРЕС:
101455
МОСКВА А-15 ГСП
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14
ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 10/XII 1973 г. А 13424. Подписано к печати 20/XII 1973 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 370 000 экз. (1-й завод: 1 — 3243300). Изд. № 2871. Заказ № 1560.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

САНТА КЛАУС-74

Рисунок А. КРЫЛОВА